

Стать последней

Автор:

[Тальяна Орлова](#)

Стать последней

Тальяна Орлова

Тесса проклята: умирая, она переносится в тела других женщин – самых последних из рабынь. За каждой смертью её ждёт продолжение чьей-то чужой жизни. Однако она узнаёт о том, что мир вовсе не таков, каким кажется на первый взгляд: даже самый худший человек способен на хорошие поступки, даже самые лучшие совершают ужасные вещи. Ей предстоит стать последней каплей, чтобы чаши весов колыхнулись. И последней женщиной, которая сможет пережить проклятие.

Тальяна Орлова

Стать последней

Глава 1. Закат

В последний миг своей жизни я смотрела на закат. Солнце почти скрылось за черно-красным морем, но я была уверена, что оно тоже в этот миг смотрело на меня.

Мы, жители Большой земли, не умели воевать. Ни мой отец, ни дед, ни прадед не знали, что такое настоящая битва. Рассказы о военных походах, когда Великий Император, завоевал все страны материка и объединил под одной

короной, звучали легендами. Но если и задумаешься о том, что это не сказка, понимаешь: кровавые завоевания в те далекие времена были необходимы, чтобы обеспечить мир на сотни лет вперед. Став единым государством, страны рано или поздно прекратили междоусобицы, потому что не за что воевать всерьез, если весь народ носит одинаковое название. И так должно было продолжаться еще тысячи лет... но в мире существует не только наш народ, отвыкший от споров вовне торговых обманов или мелких дрязг.

Корабли с Родобесских островов не пугали. Жителей той далекой страны мы называли упрощенно – бесами, но никогда не вкладывали в это слово особенного негативного подтекста. Бесы отличались от нас и внешностью, и характером. Агрессивные варвары, склонные к стычкам с любым, кто только предоставит повод. Говорили на том же языке – у нас одни предки, но иногда использовали непонятные слова. Поскольку мои соотечественники отличались миролюбием, то быстро сообразили, что лучше никогда не вступать в ссоры с бесами: в портовых городах с ними общались всегда подчеркнуто вежливо, в тавернах продавали закуски и вино, продажные женщины охотно соглашались провести с ними ночь за установленную плату – и бесам, за отсутствием какого бы то ни было неуважения, приходилось устраивать драки друг с другом. В торговле же они были менее искушенными, чем местные: о ценах не спорили, и если условия сделки не устраивали, то просто отказывались от нее. Потому бесов в портах не любили, но относились к ним как к немного странным, но полезным деловым партнерам. Эти отношения сотни лет были выгодны всем: Родобесские острова славились запасами золота и драгоценных камней, которые они обменивали на домашнюю утварь, шкуры, ткани и механизмы для обработки земли. Сама я с бесами до начала войны не встречалась и не испытывала к ним неприязни. Даже наоборот, ощущала к дружескому народу огромное любопытство, которое книги из нашей деревни и ближайшего города утолить не могли. По книгам я узнавала огромный мир, но лишь находящийся по нашу сторону моря, и мечтала о том, чтобы увидеть чужую землю своими глазами. Бесы казались такими далекими, непохожими на нас, и именно потому многолетняя дружба наших государств сулила в будущем не только торговую выгоду. Однако внезапно ситуация кардинально изменилась.

Первый военный корабль местные увидели всего пару месяцев назад, и тогда никто не почуял беды. Родобесские острова долгое время воевали с Тикийским государством, расположенном на материке южнее. Конфликт затянулся, но нам удавалось оставаться в стороне, чему способствовало географическое положение. Тикийцы, если они так любят воевать, до нас доберутся только после захвата бесов. По этой причине ни вид военного корабля, который

бортовым оружием и иной формой кормы отличался от торгового, ни пара сотен солдат, сошедших на берег, поначалу не вызвали паники. Однако уже через пару минут паника и осознание происходящее захлестнули. Выжившие и сумевшие сбежать рассказывали страшные вещи: бесы убивают, насилуют, грабят... и не захватывают рабов. Причины нападения никто из простых крестьян и торговцев не знал, но люди бежали дальше, вглубь страны, предупреждая всех поселенцев и стремясь дойти до столицы. Нужно было оповестить императора, который со своей армией в силах отбить атаку.

Бесы сожгли портовый город дотла и на том же корабле укатили восвояси. После этого начались такие же разовые налеты на все прибрежные поселения. Рыбацкие деревни сжигали, всех, кто не успел сбежать, убивали. И если первая новость прозвучала нелепой жуткой сказкой для малышни, то очень быстро сказка стала еще более жуткой реальностью. Нет, местные тоже не безобидны! Особенно когда речь идет о защите своих домов, но беженцы рассказывали о шаманах – хотя бы один присутствовал в каждом военном отряде. Эти прогневшие изнутри создания умели творить невообразимые вещи: например, рушить стены или создавать огонь. Наши знахари тоже обладали магическими способностями, но применяли их лишь для лечения или повышения урожая... Никто из них не был обучен колдовать во благо зверств.

Моя охотничья деревня располагалась в лесной глуши – там для нашего ремесла простора больше. Быть может, только поэтому страшные известия дошли до нас запоздало. Наш староста отправился в город, чтобы обменять меха на зерно и книги, там о нападениях и узнал. Вернувшись, сразу распорядился грузить вещи на повозки и первым отрядом отсылать стариков и маленьких детей в столицу. При этом мы уже понимали, что столица к настоящему времени должна задыхаться от притока беженцев, но надеялись, что хотя бы на самых слабых найдется пища и кров. Молодые и сильные остались. Расположение нашей деревни оставляло надежду, что нас в чаще попросту не разыщут. А даже если разыщут, то мы как раз те, кто способен скрываться в лесах вечно. Мама уехала вместе с годовалым братом, а мы с отцом остались, потому как... потому как есть смысл в том, чтобы умереть за правое дело, если при этом захватишь с собой и нескольких врагов.

И людям, живущим ближе к побережью, нужна была помощь. Хотя бы для того, чтобы женщины с младенцами на руках успевали уйти. Нам нужно было продержаться недолго, очень скоро императорская армия с сильнейшими рыцарями придет в эти края и наведет здесь порядок. Мы хотели оставить эту

землю готовой к их появлению.

Отца убили на прошлой вылазке, но я не позволила себе его оплакивать. Герои после смерти попадают в лучший мир, там я с ним и встречу. Караван повозок из очередного селения был уже далеко за моей спиной.

- Тесса, отступаем! Слишком близко!

Я не отреагировала на оклик соратницы и замерла в ветвях. Здесь меня невозможно заметить, орда пройдет дальше, а я потом окольными путями смогу вернуться к своим. Слишком близко. Слишком близко, чтобы упустить такой шанс. С такого расстояния я могла разглядеть даже лица. Бесы, все как один, были огромными, а кожа неестественно коричневой от загара. Их бугрящиеся мышцы почти не скрывались одеждой, даже женщины выше пояса обнажены. Но мужчин намного больше... Женщин даже по нашим меркам можно было назвать симпатичными, но мужчины, с их широкими носами и раскосыми глазами, выглядели как ожившие статуи древних злых богов. Отряд примерно в двести воинов, и, кажется, они не собираются пока возвращаться. Идут на Зеринк – небольшой город в этом направлении. В Зеринке можно дать отпор: там каменные стены, которые дадут преимущество. Да и люди будут готовы...

Присмотрелась к воину на могучем коне в самом начале отряда. Он отличался от остальных: на голове золотой обруч, прижимающий короткие волосы, на руках блестят браслеты. В таких же кожаных штанах, что и остальные, но даже осанкой выделяющийся среди прочих. Наверняка их главарь. Я подняла лук.

Стрелять я умела с детства. Да у меня и не было иных игрушек, кроме луков и метательных ножей. Лучшие охотники вырастают только при таком воспитании. Я могла убить оленя одной стрелой со ста шагов, а уж человека... но людей я и не убивала, только бесов, и их на моем счету уже насчитывалось четырнадцать. Прищурилась. Нужно еще немного ближе.

За главарем ехала повозка, на которой восседала женщина с меховым поясом. В руке она держала посох с маленьким черепом наверху. Я задохнулась от отвращения. Шаманка. Точно такая, как описывали. Она не зря водрузила череп младенца на свою палку – она действительно получала от этого силу: могла разыскать укрытые деревеньки, могла обрушить стены Зеринка... и лишить тамшнее ополчение последней надежды. Она и есть самый сильный воин в

орде, хоть воином и не считается.

Коротко выдохнула. Я никогда не промахивалась. Но до сих пор и ставки никогда не были настолько огромными – если стрела попадет этой твари в сердце, я только этим спасу сотни жизней. Неизвестно, смогу ли после этого уйти сама... но ради сотен жизней я была готова на риск.

Снова натянула тетеву и прицелилась. Я никогда не промахивалась! Но сейчас не могла справиться с волнением. Пусть этот выстрел будет самым точным! Однако добрые духи, похоже, ушли вместе с остальными за повозками... Стрела просвистела и достигла цели. Я попала, и наконечник вошел в грудь старухи. Но она вскрикнула – именно этот вскрик и говорил о том, что я промахнулась на волосок. И тем подарила ей еще несколько секунд жизни.

Поднялся шум, а она посмотрела точно на меня, словно через такое расстояние и листву могла разглядеть. Нет, умирающие глаза смотрели точно на мое лицо. Падая, она прошептала – и я слышала каждое ее слово, как будто она кричала мне в уши:

– Отныне убивать тебе только своих сестер... отныне быть тебе самой последней из раб...

Она не успела закончить. Я же окаменела, каким-то десятым чувством понимая, что предсмертные проклятия ведьмы непременно сбудутся. Убивать только своих сестер... Только их. Мне исполнилось восемнадцать – вся жизнь впереди. Но я точно знала, что как она сказала, так и будет. Взяла себя в руки и не метнулась вниз, чтобы попытаться сбежать. У меня вся жизнь впереди, но это не та жизнь, которую я хотела бы прожить. Успокоилась, решив проверить. Вытащила еще одну стрелу и тут же спустила. Стрела прошла настолько мимо главаря, что отец от такого зрелища расхохотался бы. Конечно, главаря этой орды нельзя назвать моей сестрой по несчастью. Теперь я не волновалась вовсе. Твердой рукой вытащила из-за пояса охотничий нож и приставила острым концом к горлу. Я отказываюсь принять судьбу, которую на меня возложили! Рука не дрогнула, когда я уверенным ударом вгоняла нож вверх, пробивая гортань и загоняя еще глубже, до мозга. Боль не будет долгой. Боль вообще перестала иметь значение.

В последний миг своей жизни я смотрела на закат. А он смотрел на меня и улыбался... кровавой улыбкой умирающей шаманки.

Я открыла глаза. И тогда поняла, что проиграла. Посмотрела на свои руки – руки с сетью старческих морщинок и вздутыми венками были не мои, а тряска повозки создавала в теле непривычную тяжесть. Не мое тело.

– Ная, ты в порядке? – услышала со стороны уставший голос. – Держись, Ная... Утешайся тем, что твои дети успели уйти. Они будут жить, все пятеро будут... а ты нет. Но ты держись, Ная, потому что если ты сдашься, то нам вообще не выдержать.

Наи внутри меня не было. Никого в этой пустой оболочке, кроме меня, не было. Вот так я убила первую свою сестру.

Глава 2. Сын вождя

В зарешеченной крытой повозке находилось пять женщин. Я молчала и прислушивалась к разговорам. Сначала показалось, что все они были из одной деревни – говорили друг с другом по-соседски, называли по именам и пытались успокоить. Ная, очевидно, была самой старшей из них. Стало грустно, когда в разговоре одна из девушек рассказала о героизме владелицы тела. На их деревню напали неожиданно и потому многие были вынуждены встретиться с врагом, чтобы старухи с младенцами на руках успели убежать в леса. Ная взяла вилы и шагнула к разломанным воротам первой, а за ней пошли и остальные. Никто из местных не умел воевать и о битвах слышал только в сказках, но когда мать пятерых детей берет вилы и без страха идет навстречу смерти, то и самый последний трус за ее спиной становится героем.

И им удалось сдерживать натиск достаточно долго, чтобы прикрыть отступление. По счастью, в этом вражеском отряде не было шамана, который обычно сильно облегчал захватчикам задачу. На стороне поселенцев были крепкие стены... но и они не могли спасти обреченных. Мужчин убили, женщин захватили и уволокли в повозку. Для еще более безрадостной судьбы, чем была у павших. Ная была ранена в ногу арбалетным болтом – он прошел на вылет, но рана теперь невыносимо ныла. Боль не имеет значения. Ни для меня, ни для Наи,

которая уже ждет подруг в лучшем мире. Не приходилось сомневаться в том, что долго они не проживут.

Я пригляделась к дальнему краю – зрение Наи подводило, приходилось щуриться с непривычки. Там особняком сидела девушка и ревела с момента моего пробуждения. Стенания ее раздражали, но никто не осекал – кто знает, сколько еще слез прольется вокруг? Она что-то бормотала, и я не выдержала:

– Эй, там! Слышишь? Ты пить хочешь?

Нет, при мне не было фляги – я просто хотела добиться хоть какой-то реакции. Иногда человеку нужно почувствовать, что он не один. Это важнее глотка воды. Девушка подняла опухшее от слез лицо и глянула на меня. Красивая. Даже под краснотой и грязью видно, что лицо ее необычное. Не из наших краев. Где-то далеко на востоке женщины славятся такими черными бровями и высокими скулами. Чуть старше меня... какой я была. Я решила продолжать говорить, лишь бы она хоть чуть успокоилась:

– Как тебя зовут?

На вопрос она не ответила, забормотала снова, только теперь громче:

– Я видела... я все видела, что они делают... с такими... Берут по очереди... Тех, кто сопротивляется, убивают. Тех, кто поддается, берут, а потом убивают... Ни одна не дождала до рассвета...

Ужас комом встал в горле. Сдавленно переспросила другая:

– А тебя?..

– Меня оставили... не трогали... Я слышала, как старуха-шаманка что-то говорила... Может быть, жертвоприношение хотели... а потом ее убили... Но я лучше бы на костре, чем... сестры, – она вдруг ринулась вперед и упала на четвереньки, – добрыми духами молю – придушите! Я не смогу, не выдержу...

У нее начиналась настоящая истерика, она кричала все громче – ближайший воин ударил по решетке мечом:

– На местах сидите. Кто первая двинется, с той и начнем.

Девушка отползла на свое место и в страхе сжалась. Она сильно отличалась от остальных – мы обладали хоть какой-то силой, а на нее смотреть было тошно. Да, в такой ситуации у любой сдавали нервы, но веселить врага своей слабостью... И лучше бы она не орала так громко о плане – тогда я попыталась бы внять ее мольбе. Пусть бы лучше добрые духи о ней позаботились, сама она не справляется.

Отряд из двух сотен воинов шел на запад по побережью. Я рассмотрела их главного, которого не смогла убить второй стрелой. Рядом с них ехала женщина – в таких же штанах, как и все воины. Голая грудь ее не смущала, даже наоборот – женщина держала спину прямо, а голову высоко поднятой. Телосложением она заметно уступала мужчинам, но вела себя так, будто ровня им. Эта пара немного отстала от авангарда, а когда поравнялась с нами, то я могла расслышать обрывки разговора:

– Мразь убила Тирию, вряд ли мы сможем брать города без шамана... – говорила женщина.

Голос главаря был спокойным:

– Хватит уже кипятиться, Даара. Уже завтра должны прибыть еще три корабля, пусть они берут города. Тебе мало славы?

Она повернула к нему голову и смиренно склонила:

– Достаточно твоей, сын вождя. Ты – великий воин, но словно остался на краю. Тебя не может это устраивать!

Он неожиданно весело рассмеялся:

– Мысли мои читаешь?

– Читаю! – звонко ответила Даара. – Например, точно знаю, что эта холодная земля тебе по душе! Ты счастлив здесь быть. И наверняка здесь останешься, когда мы отвоюем эту территорию.

- Не знаю... - он задумался. - Даже битвы с местными не приносят такого удовольствия, как это было с тикийцами. Им будто ярости не хватает.

Даара бросила взгляд на нашу повозку и ответила:

- Ты не прав. С каждым селением в них все больше ярости. Дай им время - и они будут сильны. Дай им поколение - и они вырастят воинов не хуже нас.

- Нет у них времени, - и сын вождя рванул вперед.

Женщина посмотрела ему вслед и тоже пришпорила коня.

- Даара! - закричала я непривычным голосом. - Даара!

Она оглянулась и отыскала меня удивленным взглядом. Когда нечего терять, то ищешь помощь повсюду. Потому голос мой был тверд:

- Ты ведь тоже женщина, Даара! Прошу милосердия - не для себя, для сестер. Неужели ты позволишь...

Она изогнула бровь, и оттого смуглое лицо стало выглядеть хищным:

- Говорящий трофей? Заткнись сама или тебя заткнут.

Вот и все понимание. Девушка на другой стороне повозки зарыдала с новой силой. Она давно сдалась, давно умерла внутри, и теперь до конца своей короткой жизни будет плакать.

Вечером отряд напал на рыбацкую деревеньку. Немногих стариков, коим не удалось сбежать, убили на месте. Подождли дома, омрачая чернеющее небо столпами дыма. Вытащили бочки с вином и принялись отмечать очередную победу, которую даже победой нельзя было назвать - деревня, к счастью, оказалась почти пустой, а этим варварам для азарта нужно сопротивление. Возможно, плохое настроение и заставило кого-то вспомнить о нас.

Уже пьяные они хватили нас из повозки и утаскивали в разных направлениях. Кому повезет - умрет быстро. Боль не имеет значения - я вторую жизнь подряд в

этом убеждаюсь. Я сопротивлялась, но только потому что не могла сопротивляться. Меня пытался взять один мужчина, а двое других держали за руки и ноги. Но я вырывалась, вцеплялась зубами до чего только могла дотянуться. Они, наверное, решили, что немолодое тело Наи таких усилий не стоит: стоило мне только освободить руку, как я тут же драла их ногтями. Одному, очень надеюсь, смогла повредить глаз. Он взревел, ударил кулаком меня в лицо, потом воткнул нож мне под ключицу. Так меня и бросили – все равно умру от потери крови. А боль не имеет значения. Я смотрела в небо, затянутое дымом, и молилась после каждого женского крика, чтобы добрые духи леса вышли на эту лысую землю и подарили сестрам тишину.

Мимо кто-то прошел, а потом вернулся и сел на землю. Пусть попытается – у меня остались силы ровно для еще одного глаза. Но мужчина меня не трогал – просто сидел рядом, сложив руки на коленях, и смотрел вперед.

– Что расселся, сын вождя, успевай, пока я не остыла.

Он посмотрел на мое разодранное платье без любопытства. Улыбнулся в ответ на мою злую усмешку:

– Я не могу брать женщин, которых брали другие. Мои женщины должны быть самыми лучшими и нетронутыми.

– А ты брезглив, я посмотрю.

– Не брезглив, женщина. Это традиция. Чем больше прав, тем больше обязанностей.

– Бедный, бедный сын вождя, – хрипло смеялась я. – Скучно наблюдать, как резвятся без тебя?

– Они... – он задумался над ответом, – не резвятся. Это другое. Обратная сторона воинской доблести. Бесстрашие в бою равно бесконтрольности во всем остальном, потому что воин сжигает дом врага, забирает вещи врага, берет женщину врага. Так устроен мир с начала времен. И я не тот, кто изменит установленный за тысячи лет порядок.

Все-таки Ная была очень сильной женщиной – жизнь никак не хотела оставлять ее, хотя головокружение ощущалось уже сильно.

– Звучит так, будто ты их осуждаешь, будто ты их лучше...

– Я не осуждаю. И я не лучше.

– Нет, сын вождя, ты хуже. Потому что именно ты позволяешь творить зверства. И сам называешь врагами тех, кто никогда тебе врагом не был. Варварское племя, которое сначала поглотит мир, а потом сожрет само себя.

– Не враги? Ты с минуты на минуту помереть должна, а рассуждаешь о политике. Хочешь, позову лекаря? Возможно, я ошибся, и легкое не пробито, тогда есть мизерный шанс тебя спасти.

Нет, пути назад не было – я это чувствовала. Да мне он и не нужен.

– Ничего я в политике не понимаю... Зато я со ста метров отличу тварь от человека. За гранью смерти тебя ждут злые духи, они отомстят за каждого.

– Это ваша вера, женщина, мы верим в другое.

У меня осталась еще горсть сарказма:

– И что же случается с такими хорошими людьми после смерти?

– Мы верим в перерождение. И может, потому не боимся смерти так, как вы.

– Тогда ты родишься одной из тех женщин, которые кричат под твоими солдатами.

– Возможно и такое. Кто знает? Но даже это лучше, чем уйти насовсем. Мир – прекрасное место, хоть сейчас ты со мной и не согласишься.

– Угадал, сын вождя, не соглашусь, – говорить становилось все труднее. – Но я разделю с тобой твою веру – многое бы отдала за то, чтобы ты посмотрел на мир

с другой стороны.

Он всматривался в мои мутнеющие глаза внимательней:

- Какое имя тебе дал отец, женщина?

- Зачем тебе знать? Я не доживу до утра.

- Хочу тебя запомнить. И если бы у нас была шаманка, я приказал бы ей излечить тебя от раны.

- Чтобы продолжать измываться? – я смеялась, хотя, возможно, смех уже и не пробивался сквозь белеющие губы. Хвала добрым духам, что у них нет шаманки! А, это ведь мне хвала... От боли я перестала мыслить четко.

Он ответил задумчиво:

- Нет. Чтобы ты успела показать мне мир с другой стороны.

- Если в тебе есть хоть капля милосердия, сын вождя, вытащи нож и воткни его чуть ниже. Мне до смерти опостылела эта болтовня...

Он наклонился и ухватил за рукоять. Еще пара секунд, и все будет кончено.

- Какое имя тебе дал отец, женщина?

- Т... Тесса.

- Покоя тебе, Тесса. Не перерождайся, если сама не хочешь.

Его голос был мягким, а удар точным.

Я открыла глаза и взвыла от отчаянья. Зареванная девчонка в повозке дождалась своего часа, я, пусть и запоздало, выполнила ее просьбу.

Глава 3. Тали

Я бессильно рухнула на пол и закрыла глаза. Боль и тяжесть, которую я ощущала в теле Наи, ушла, но эта девушка вообще будто была лишена энергии: она страдала от голода и жажды, но хуже было другое – ее мышцы, казалось, не приспособлены даже для того, чтобы удерживать тело. Совершенно точно, она не была охотницей или крестьянкой. Чем же можно заниматься в таком тщедушном обликии?

Во рту что-то мешало. Поначалу показалось, что язык ее изранен – вполне возможно, что она сильно прикусила его в течение своей обычной истерии. Но потом кое-как нащупала. Язык девушки был проколот тонким металлическим стержнем, на конце заканчивающимся гладким камешком. Синяя жемчужина – сразу догадалась я. И это многое объясняло. Жрица – скорее всего, из храма Алаиды, что далеко на востоке. Служительница главной богини добрых духов, которую выбрали еще в раннем детстве для этой миссии. Я о подобных храмах знала только понаслышке, потому не могла ничего сказать о ее работе или предыдущей судьбе. Но хотя бы жемчужина в языке оказалась не вымыслом. Наверняка я могла сказать одно, девчонка эта к реальной жизни готова не была и, быть может, никогда не ожидала, что окажется так далеко от своего алтаря. Хотелось верить, что ее богиня не покинет эту оболочку, раз владелица внутри сменилась. Мне бы пригодилась любая помощь свыше.

Я так и лежала, недвижимая, часами, даже мысли замедлились, потеряв последнее направление.

– Померла? – мужской голос совсем рядом, но я не вздрогнула. – Надо было сжечь ее, а то попусту пропала!

Ему ответила женщина:

– А толку было сжигать ее без шаманки? Воздух прогреть разве что.

– Как померла? – я узнала по властному тону Даару. – Ты ее кормила?! Я тебе сейчас такое устрою!

– Кормила, великая Даара! – первая женщина заговорила тревожно, вкрадчиво. – Вчера на ночь отводила в кусты, чтоб нужду справила, а потом насильно напоила и дала еды. Клянусь перерождением, я ее не била! Утром она была в порядке! Ревела, как обычно... Может, не померла?

Меня грубо пихнули в плечо. Стоило бы умереть только для того, чтобы надзирателям за это досталось! Но теперь я уже была уверена, что моей жертвой станет следующая сестра. Если девчонку не сожгут на костре прямо сегодня, то можно попытаться протянуть в ней подольше. Подняла голову, посмотрела на Даару. Она облегченно выдохнула:

– Живая. Почему тогда не ревешь?

Я поморщилась:

– Надоело. Еще на прошлой неделе надоело, но думаю, дай-ка вас еще немного повеселю.

Даара изогнула бровь, но обратилась к своим товарищам:

– Без соплей и красных глаз она вроде бы ничего, как думаете?

Один из воинов пожал плечами:

– По-моему, лучше тех, кого мы видали прежде.

И другой подхватил:

– Ее для начала отмыть бы. Там и разглядим. Но старая Тиирия не зря сказала, что такая жертва принесет нам попутный ветер и удачу, разве она бы ошиблась?

– Однако шаманки у нас больше нет... – рассуждала Даара. – Можешь сгодиться для чего-нибудь другого, раз красива. Ты ведь девственница.

Я вытаращилась на нее. Собственно говоря, я и не знала наверняка. Возможно, жрицы все невинны, а может, и нет. Но зато я поняла, что стоит за этим утверждением – сын вождя Нае сказал, что его женщины должны быть лучшими

и нетронутыми. Если эта девушка так красива, что ее выбрали для почетной миссии быть сожженной заживо, то, вероятно, и ему сойдет.

Моего ответа она и не ждала, отперла решетку и ухватила за плечо, вытаскивая:

- Отведу ее Крииту. Если она ему не понравится, тогда и смысла ее дальше кормить нет.

Даже если бы я хотела сопротивляться, силы в этом теле было недостаточно. Даара впихнула меня в большую палатку, приказала другим принести чан с водой. Потом содрала с меня одежду и запихнула туда. Терла мне спину пучком жгучей травы, а я умывала лицо – только вода позволила понять, насколько я была грязной.

- Криит – это сын вождя? – спросила я, хотя и без того уже догадалась.

- Да, – Даара развернула меня и ухватила за руку, отмывая плечи. – Если понравишься ему и не будешь дурой, то он вполне может вернуть тебе нормальную жизнь.

- Кажется, мы разный смысл вкладываем в слово «нормальный», Даара.

Она наклонилась и пристально посмотрела в мои глаза:

- Никак не могу понять – тебя будто подменили. Я видела сломанных людей, много видела... Но ни разу не была свидетелем, как они обратно склеиваются.

- Возможно, я просто взяла себя в руки, или добрые духи наконец-то отыскали меня посреди бесовской толпы?

Она не разозлилась. Наоборот, улыбнулась широко:

- Какое имя тебе дал отец?

- Т... – я вовремя осеклась. – Тали.

– Вижу, что ты красива, Тали. Потому у тебя есть шанс прожить сегодняшний день. Но и слышу, что у тебя есть язык, Тали. И его ты до конца дня можешь лишиться.

– Думаешь, что я еще способна бояться, Даара?

– Не бойся. Но бесстрашие – это далеко не всегда глупость. Четвертый сын вождя очень уравновешен и умеет быть милосердным. Считаю, что тебе повезло.

Милосердным? Человек, разоряющий поселения и убивающий всех, кто под руку подвернется? Мы с бесами говорим на одном языке, но наша речь сильно различается по смыслу. Я решила на другие вопросы:

– А ты ему кто? Любопытство не считается глупостью?

– Нет, – она подняла меня на ноги и принялась с тем же усердием мыть промежность. Я поежилась. – Я ему верный друг, ближайший соратник и дальняя родня.

Я уловила в ее ответе заминку:

– Любимая или любящая?

– Да-а, твой язык точно долго не протянет, – она расхохоталась. – И любимая, и любящая, если так интересно.

– Тогда тебя должна мучить ревность...

– Ревность? – она удивилась. – Нет. Сердце мужчины и его член – совсем не одно и то же. Криит может брать сотни и тысячи других, может дарить им свое семя и детей, но я останусь спокойной. А ты красива – красивые женщины существуют именно для того, чтобы ублажать мужчин. Благодарю свою красоту, Тали, и раздвигай пошире ноги. Вряд ли у Криита в жизни была хоть одна женщина, которая не мечтала о таком мужчине. Вряд ли ему хоть раз приходилось напрягаться во время любви. Тебе придется его впечатлить.

Эта тема была слишком откровенной – среди моих сородичей не было принято обсуждать интимные вещи настолько очевидно. А в голове зароились тревожные мысли:

– Я... я не хочу понести от него ребенка...

Она выпрямилась и заставила меня шагнуть мокрыми ногами на усталанный тканью пол. Взяла кусок мягкой материи и вложила в руки – мол, вытирайся. Сама искала в тюке одежду, которая подошла бы мне размером.

– Все-таки ты глупая, Тали. Когда ты ему надоешь, он перережет тебе горло. Но если ты будешь носить его сына, то он даст тебе время хотя бы родить.

– Я не хочу понести от него! – повторила увереннее. – Можешь помочь хотя бы в этом? У наших знахарей есть трава...

– Ладно, – она выпрямилась. – У наших лекарей тоже есть подходящие снадобья. Но я сообщу об этом Крииту. И это сильно понизит твои шансы.

– Не пугай меня, Даара. Я в позапрошлой жизни разучилась бояться.

– Точно... будто подменили. Я начинаю верить в этих твоих... добрых духов. Надень это, я пока принесу тебе отвар.

Платье было коротко – до середины бедра, и велико. Даара дала свое, а она была выше и шире в плечах. Но целая чистая одежда сама по себе дарила чувство защищенности. Пока Даара отсутствовала, я могла бы попытаться сбежать, но вокруг другие палатки, а дальше – костры дозорных. Меня в лучшем случае убьют. И тогда я сама убью следующую сестру. Потому я не предприняла попытки, хоть предстоящее доводило до нервной дрожи.

Даара помогла расчесать длинные волосы, заплела их в косу – такую же, как была у нее. Потом отвела к шатру в центре лагеря: похожая на прочие, только отличающаяся цветом и размерами. Втолкнула внутрь.

Сын вождя сидел на лежанке и зажигал лампаду. Уже темнело, а для освещения такой большой палатки потребуется несколько источников света. Он взглянул на

нас бегло и сразу вернулся к своему занятию.

- Та жертва, которую выбрала Тиирия? - поинтересовался равнодушно.

- Она, сын вождя.

- Я думал, она будет реветь, пока вся не изойдетсся.

- Сама удивляюсь. Возьми ее, Криит. Может, скрасит твою ночь. А может, поднимет настроение?

- Если ты хотела поднять мне настроение, Даара, то привела бы шамана - самого старого из тех, что живут.

Она вздохнула и прошла ближе. Села перед ним на колени. Я продолжала мяться возле входа. Даара забыла обо мне, а Криит моему присутствию вообще значения не придал.

- Сын вождя, пора определиться. Советники тоже считают, что дальше по побережью будут только мелкие рыбацкие поселки. Да и оттуда люди успели уйти. Это уже совсем не похоже на битву.

Он отставил лампаду и кивнул:

- Значит, нужно возвращаться на восток и присоединяться к другому отряду. Пора брать города и идти на столицу. А то их трусливый император сам встретить нас не выйдет.

- Я понимаю твои сомнения... но та мразь, убив Тиирию, не оставила нам другого выхода!

Я заговорила - и мой голос дребезжал от волнения:

- Я хорошо знаю эти места! Вы правы, дальше нет крупных поселений. Только рыбацкие семьи... они совсем не воины!

На самом деле я понятия не имела, что находится на западе. Если не ошибаюсь, то впереди большой рыбацкий поселок. И было бы очень неплохо, если бы этот отряд до него не дошел. Даара рассмеялась:

- Гляди-ка, даже трофейная подстилка на моей стороне! Посмотри на нее, Криит, она красива. Жаль будет такую красоту отдавать солдатам, если ты не захочешь взять. Ее зовут Тали.

Он улыбнулся ей совсем непонятной, почти мальчишеской улыбкой:

- Так жду, когда ты нас наедине оставишь.

Даара со звонким смехом прошмыгнула мимо. Я сжалась. Криит поднялся на ноги и стал от этого громадным. Шагнул вперед.

- Сними платье. Покажи, что под ним.

У меня задрожали руки. Я ухватила пальцами подол, но никак не могла заставить себя рвануть вверх. Криит задумчиво наклонил голову набок:

- То есть ты не умоляла Даару привести тебя сюда?

В нелепом вопросе прозвучало слишком многое! И я нервно усмехнулась:

- Умоляла? Сын вождя, мне дали множество вариантов: умереть от голода, быть изнасилованной толпой твоих солдат, дождаться шамана, чтобы сгореть на костре, или прийти к тебе.

Он снова улыбнулся:

- И что ты выбрала?

Захотелось расхохотаться ему в лицо – безумно, страшно, срывая глотку. Лишь бы он хотя бы от недоумения перестал улыбаться. Но яду я позволила проявиться только отголоском в тоне:

– Видишь ли, бес, каждый из вариантов был так заманчив... Но мне не дали подумать.

Он приблизился еще, я инстинктивно ссутулилась.

– Тали ведь? Я – Криит, четвертый сын верховного вождя Родобесских островов и Тикийской территории. Будем знакомы. Назови меня бесом еще раз – и я выблю тебе все зубы.

– Я... а как мне обращаться к тебе?

– Криит или сын вождя. Ты точно та, что рыдала в повозке пять дней кряду?

Я не ответила.

– Сними платье, Тали. Теперь я хочу увидеть тебя еще сильнее.

Я согнала с кончиков пальцев дрожь. Ведь знала, зачем меня сюда ведут, даже как будто успела настроиться... Стянула одежду, но стыд затопил все нутро. Я даже краснеющее лицо поднять не могла. Откинула платье на пол и спонтанно закрылась руками.

Он стоял в двух шагах от меня, не приближался.

– Убери руки, Тали, – голос очень спокойный, даже тихий. – Убери руки сама.

Я опустила голову еще ниже и заставила себя раскрыться. Невыносимо долгое ожидание закончилось выводом:

– Ты действительно красива.

Он словно ждал, что я должна ответить. Тогда выдавила:

– А ваш народ... вы некрасивы для нас...

Я не собиралась грубить. Это был просто факт, пришедший на ум первым и оттого высказанный в порыве. Бесы не имели ничего общего с юношами на картинках в увесистых книгах – образец мужской привлекательности: тонкие черты лица, светлые вьющиеся волосы, точеные профили. О таком прекрасном мужчине мечтает любая девушка Большой земли. Сам Криит напоминал гиганта из страшной сказки, злого духа, который одним только взглядом способен пытать жертв. Он на две головы возвышался надо мной, а в каждом движении сквозила титаническая мощь. Но в ответ на мое нелепое признание он лишь рассмеялся:

– Посмотри на меня, Тали, – дождался моего взгляда. – Разве я спрашивал твоего мнения?

– Прости... Криит.

Он снова склонил голову, вероятно, эта была постоянная привычка, когда он размышляет.

– Давай поступим так. Я сегодня не трону тебя – ложись и спи, если хочешь. А завтра я задам тебе один вопрос: отдашься сама или возьму силой, а потом убью. Видишь, я даю тебе время выбрать из заманчивых вариантов? Будь уверена только в одном – долго я ждать не стану.

Не знаю почему, но отсрочка меня неожиданно обрадовала. Я не была с мужчиной раньше, и уж точно не собиралась отдаваться нелюбимому, но отсрочка прямо сейчас позволила хотя бы начать дышать.

– Тогда можно я оденусь?

– Зачем? – удивился Криит. – Разве тебе холодно? Тали, ты голодна?

Я была зверски голодна, но аппетит от неожиданной смены темы пропал. Тогда я просто прошла к лежанке, легла с краю, подтянула колени к груди и завернулась в тканевое покрывало. Хотя бы выплусь, пока это разрешено.

Часа через два он лег рядом, но меня так и не коснулся.

Глава 4. Утро

Кажется, я впервые за три прошлые жизни выпалась. После таких испытаний спокойный отдых многого стоит. Перевернулась на бок. Криит спал, лежа на спине. На голове нет золотого обруча, а на руках браслетов. Дыхание ровное, что едва можно уловить. Я не шевелилась, потому что не хотела его пробуждения. Лучше бы он вообще никогда не просыпался...

– Ну, что смотришь? – он даже глаз не открыл, а я дернулась от неожиданности. – В палатке есть ножи, неужели еще не нашла? Или собираешься душить голыми руками?

И дыхание все такое же ровное. Я успокоилась и положила голову обратно. Ответила тихо:

– Я убила пятнадцать воинов из твоего народа, но на пятнадцатом мой путь оборвался. Поэтому нет, я не думала о том, как тебя убить. Но почему ты оставил меня здесь, если ждал этого?

– Если меня убьет женщина, да еще и во сне, то и мой путь можно считать оборванным, – он улыбнулся и только после открыл глаза, посмотрел на меня. – Пятнадцать воинов? Врешь?

Мы лежали рядом и смотрели друг на друга, говорили тихо. В таком спокойном тоне не ожидаешь угроз. И потому Криит сейчас не пугал.

– Вру, сын вождя. Возможно, просто об этом мечтала.

– Тогда зачем смотрела на меня? – он вернулся к прежней теме. – Пытаешься привыкнуть ко мне, раз другого выбора нет?

– Нет. Я думала... думала о том, может ли глава насильников и убийц сам не быть насильником и убийцей?

– Не может, – он прищурился и будто пригляделся к моим губам. – Я хуже их всех вместе взятых, потому что... неважно. Что у тебя во рту?

Я немного приоткрыла рот, высунула язык и показала ему жемчужину, которую еще сама не имела возможности рассмотреть. Пояснила, как могла:

- Это знак вечного служения богине добрых духов. Я была жрицей.

- Интересно, - он приподнялся на локте и навис надо мной. Я оставалась обнаженной, поэтому прижала рукой покрывало к груди, даря себе чувство мнимой защищенности. - Покажи еще раз.

Пришлось открыть рот. Не буду же я спорить из-за такой ерунды. Его глаза будто потемнели, когда он наклонился ниже, разглядывая.

- Что-то подобное делают у нас только шаманы. Ты шаманка, Тали?

- Нет, сын вождя. Это просто знак служения.

- Но если бы была, все равно бы не призналась? - его глаза смеялись, но ощущение веселья промелькнуло только на миг. - Это синий жемчуг, но мелкий и гладкий. Покажи снова.

Кажется, я понимала, почему его дыхание становится тяжелее, но не связывала это осознанно с возникшей близостью. Но когда я приоткрыла губы, он наклонился еще сильнее и коснулся кончиком своего языка моего. Мне даже отшатнуться было некуда, поэтому я только дернулась и сцепила зубы.

- Покажи! - повторил он резче. Глаза уже не светлые. Прижал собой сильнее, не обращая внимания на сопротивление руки.

Я медленно разомкнула губы и сразу приняла его язык. Он кончиком прошелся по жемчужине, отстранился, посмотрел в глаза, а потом снова наклонился, целуя глубже. Немного навалился на меня, тем самым полностью ограничивая движения, но поцелуй его стал приятным открытием: сначала ласковый и медлительный, но вызывающий дрожь, а потом все более настойчивый. Мои глаза сами закрылись, а тело отзывалось на непривычную ласку. Я не целовалась прежде, вообще не умела этого делать, но губы и язык будто сами подстраивались и отвечали. Теперь и я задышала рвано, захотелось убрать руку между нами и обнять его, чтобы это приятное ощущение продлить и усилить.

Но он внезапно остановился, снова посмотрел в глаза – и его взгляд сейчас был совсем другим.

– Я хочу тебя, Тали. Потому задам обещанный вопрос прямо сейчас. Но от твоего ответа ничего не зависит – я чувствую, что ты соврешь.

Я сжалась, внутри назревала истерика. Поцелуй возбудил, заставил хотеть большего, и я даже позабыла о том, что поцелуй возбуждает не только меня.

И Криит ответил за меня:

– Я потерял счет женщинам, а тебе буду первым мужчиной. Ты не станешь для меня последней, но я постараюсь тебя запомнить. Как синюю жемчужину.

Решившись, я не стала сопротивляться, когда он откидывал покрывало, сжимал мою грудь, потом снова целовал, отстранялся, раздвигал бедра и проходил пальцами вдоль складки. Он не пытался доставить удовольствие мне – он сам получал удовольствие, трогая меня. Стянул штаны, отбросил в сторону. Сел между моих ног на колени, широко раздвинув бедра.

Обнажившийся член был огромен, а головка блестела от прозрачной жидкости. Я же испугалась, что он разорвет меня им изнутри. Какую боль выносит женщина, когда ее берет мужчина?

– Нет-нет, Тали, не сжимай ноги, – он надавил мне на колени. – Сейчас я не хочу останавливаться, даже если ты станешь кричать от ужаса.

Он лег на меня, уперся локтем в лежанку, другой рукой направил член внутрь. Это неприятно, но я пыталась расслабиться, насколько могла. Запрокинула голову, чтобы хотя бы мысленно отвлечься от происходящего. Внутри тянуло, но резких движений не было. Криит подавался бедрами вперед и назад плавно. А потом вдруг толкнулся резче, заставив меня выгнуться от смешанных ощущений. И тут же отстранился всем телом, приподнялся, выводя из меня и член.

– Ты не девственница. Как ты оказалась здесь?

Мой голос дрожал, как и все тело. Криит склонен слишком часто меняться, я просто не успевала подстраиваться.

– Я... я...

Что я могла ответить? Что и сама не знала? Что от бесконечных слез у меня отшибло память?

– Сейчас тебя выведут наружу, привяжут к четырем коням и разнесут в разные стороны. Или объясни.

– Сын вождя! – голос заходился от паники. – Я соврала, чтобы выжить!

Он пристально смотрел на мое лицо:

– Сколько у тебя было мужчин? Это было насильно или по любви?

Его интересу я объяснений не находила, но судорожно искала любое объяснение, подходящее для ответа. Вряд ли кто-то из соплеменников изнасиловал бывшую владелицу тела: среди моего народа такие преступления были редкостью, сродни убийству. Наверное, у нее был кто-то... Возможно, до того, как она попала в храм. Или связи с мужчинами в храме не воспрещались – откуда же мне знать? Криит, не дождавшись объяснений, прищурился:

– Кто-то из моих людей? Если тебя взял кто-то из них, то он будет наказан.

Вот, что его беспокоило – дисциплина в этом сброде негодяев. Эта мысль была почти смешна, если бы сейчас я была способна смеяться. Я могла назвать любого! Например, того самого, что пытался изнасиловать Наю, когда я вцепилась ему в глаз. Уж точно заслужил, добрые духи свидетели. Но что делать с остальными – точно так же заслуживающими наказания? И вряд ли богиня Алаида потерпит клевету... а она, кажется, все еще со мной, раз меня до сих пор не привязывают к коням.

– По любви, сын вождя. Один. До того, как я стала жрицей.

Каждый раз, когда я говорила, он не отрывал взгляда от моих губ – будто только ждал, когда там мелькнет жемчужина. Возможно, это зрелище и мешало ему сосредоточиться.

– Ты странная, Тали. Когда я целовал тебя – точно знал, что первый. Когда входил в тебя – точно знал, что первый. И шаманы никогда не ошибаются так сильно – для жертвенника нужны девы, не познавшие мужчин. Как такое могло произойти?

Значит, их шаманка была слишком стара, чтобы безошибочно отличать девственниц! Похоже, я оказала всем большую услугу, избавив мир от нее. Сейчас же я понимала, что в уме он решает мою судьбу, но желает меня не меньше прежнего. А судя по взгляду, который он нехотя отрывал от моих губ, даже больше. И потому сама подалась бедрами вверх. Теперь без прежнего страха – ощущения, когда он вошел в меня, можно было назвать неприятными, но вряд ли болезненными. Такое я выдержать смогу, если выторгую этим продление жизни красавице Тали:

– Просто возьми меня, сын вождя. А потом делай что хочешь.

Он не ответил, только еще дальше приподнялся и смотрел в глаза, словно там был ответ на все его вопросы. Взгляд пристальный, без тени улыбки или ожидаемой страсти.

– При одном условии, Тали. Ты притворишься, что никто не любил тебя раньше. И ты никого не любила раньше. Сможешь?

Я не поняла, в чем смысл этой просьбы, но ответила честно:

– Смогу.

– Снова врешь?

– Клянусь добрыми духами, что никогда не вспомню о том, кого любила раньше. Только родных.

Он выглядел удивленным. Вероятно, ощутил искренность сказанного. Кивнул.

– А если родишь мне ребенка с такими же черными глазами, то клянусь перерождением – я отпущу тебя и не трону всех, кого ты назовешь родными.

Отпустит, но без ребенка? Да уж, у нас действительно расходятся взгляды на многие вещи... Девушка эта на самом деле отличалась густыми черными волосами, бровями и ресницами, что для нашего народа было в диковинку. Бесы сами были темноволосы, но это не так бросалось в глаза на фоне их смуглой кожи. Цвет своих глаз я до сих пор даже не знала, а у бесов глаза были чаще голубыми или серыми. У самого Криита – холодного стального оттенка, что ничуть его внешности мягкости не придавало. И Даара еще не сообщила ему об отваре против зачатия, который еще вчера дала мне выпить. Не обманула ли она меня? А если не обманула, то не разозлится ли Криит, узнав о моей уверенной предосторожности? Осмелилась сказать только:

– Как скажешь, сын вождя.

Он вдруг отпустил меня и сел. Потянулся за штанами.

– Тогда пойдем есть. Сегодня поворачиваем обратно на восток, тебе понадобятся силы и хорошая обувь.

Глава 5. Три женщины

Лошадей у бесов было немного. Наверняка и те взяты в пройденных поселениях. Потому большая часть отряда передвигалась пешком. И я среди прочих.

Теперь меня попросту игнорировали: я стала то ли женщиной главаря, то ли его личным трофеем – не так важно. Да ведь никто из них и не знал, что не стала, а Криит не спешил отчитываться. Мне давали место у костра, предлагали еду и пищу, но вопросов не задавали. Конечно, я тоже не спешила вступать в разговоры. Зато прислушивалась к другим, выясняя детали, которые нигде бы больше не узнала.

Оказалось, что первые корабли – это только разведчики, основные силы еще даже не высаживались на наш берег. Если всего несколько подобных отрядов

смогли навести ужас, то вместе с остальными на Большую землю явится бойня. И вот в наведении ужаса, насколько я поняла, и состояла их миссия. Бесы на самом деле были странными – их интересовал не просто захват территории, а отбитие территории у сильного врага. Будто это украшало честию их мерзкие поступки. Но они своего добьются: надеюсь, когда придут основные силы, то встретит их сам император с вооруженными и обученными рыцарями, а не крестьяне с вилами. И вышвырнет каждого из них со своей земли. Сейчас же они направлялись к порту, чтобы там ждать другие отряды или главное войско. Без шамана углубляться в материк смысла не было.

После полудня я едва переставляла ноги. Тело жрицы было слабо, не приспособлено для таких переходов, и моей внутренней силы не хватало, чтобы налить жизнью мышцы за один день. Довольно удобная поначалу обувь, которую мне отыскали, теперь терла изнеженные ступни. Кожаные штаны я не надела, отправилась в платье. Пусть женщины вокруг своей голой груди не стеснялись, а мне еще далеко до того. Но и с этим никто не спорил – подстилка Криита обязана делать только то, что приказывает Криит. А ему вообще до моего наряда, как и до меня, дела не было.

Я поглядывала на пустую повозку, но так и не заставила себя спросить разрешения ехать в ней. Не то чтобы я переживала быть высмеянной – мне плевать на их отношение, я просто не хотела ни о чем их просить. Но помощь пришла неожиданно от Даары – она заметила, как я споткнулась. Заставила коня повернуть и, поравнявшись со мной, протянула руку:

– Иди сюда. Этот конь сильный, выдержит нас обоих.

Подтянула меня и усадила перед собой, придерживая за живот сильной рукой. Ехали медленно, чтобы пешие солдаты не выдохлись. Я же, покачиваясь на каждом шагу, думала о все больших странностях. Но в итоге пришла к выводу, что Даара просто считает меня ценной для своего вожака и потому заботится. Как заботилась бы о лошади или любой вещи.

Впереди нас ждали только разрушенные и сожженные селения, никаких людей. Я могла радоваться хотя бы этому. С Даарой говорить я тоже желанием не горела, потому за остаток перехода не произнесла ни слова.

Уже вечером остановились и развели костры. И только тогда Даара снова подошла, протянула кусок жареного мяса на палке и толкнула к центру, где сидел Криит. Наверное, я обязана быть его молчаливой тенью. Спорить не стала. Села неподалеку.

Среди бесов наблюдалась строгая иерархия: Криит выше других, его мнение не оспаривается – создается впечатление, что если он прикажет всем пойти и немедленно утопиться в море, то все так и поступят. Но он, если сочтет нужным, может выслушать мнение советников и командиров, к которым относилась и Даара. Нет, не так – они говорят свое мнение, даже если он не спрашивает, но принимает решение сам. Напряжение ощущалось, когда речь заходила о других отрядах. Возможно, в этом случае возникнет спор о власти? Я не могла знать наверняка, но было очень заметно, что и командиры, и простые солдаты не желают к кому-то присоединяться. И не пошли бы на это, если бы нужда не вынудила. Если бы я их не вынудила! Усмехнулась про себя, но и сама тревожилась, как изменится положение Тали в еще более масштабной общине.

Установили палатки. Криит, направляясь в свою, оглянулся и нашел меня взглядом. Понимая, что должна делать, поплелась за ним. Но на этот раз не постеснялась использовать слабость тела себе во благо:

– Сын вождя, – обратилась к нему, как только вошла в шатер, – мое тело болит, а ноги стерты в кровь. Я не привыкла к подобным нагрузкам.

– Разденься, Тали.

Я начала волноваться – ведь он раньше проявлял какую-то жалость, почему бы не теперь?

– Давай сначала поговорим, сын вождя... У меня возникло много вопросов, если я вправе задавать вопросы.

– Разденься, Тали. И тогда поговорим.

Стянув и откинув платье, я прошла дальше и села перед ним, едва прикрываясь руками. Но сегодня он не спешил заставлять меня раскрыться.

– Что за вопросы?

– Зачем ты здесь? Я имею в виду... зачем тебе вообще эта война?

– Мне? – он задумался, потянулся за лампадой, чтобы зажечь. – Я вернулся из Тикийского государства, и в тот же день отец направил меня сюда.

– Я слышала, как Даара говорила, что эта земля тебе нравится... Но из твоих слов выходит, что ты не слишком хотел сюда попасть.

Он улыбнулся, его лицо не становилось красивым от улыбки, но делалось мягче:

– Я этого не говорил, Тали.

– Не говорил, – кивнула я. – Просто я сегодня много слушала. Кто-то хочет больше крови, кто-то хочет убить императора, кто-то – ни оставить на этой территории ни одной живой души. Вот только я не услышала – а чего хочешь ты?

– У меня есть ответ на твой вопрос, но я не хочу тебе его давать. Потому что сейчас думаю о другом.

Улыбка с лица не исчезла – он не разозлился. Но я поежилась. Криит наклонился ко мне:

– Я понял, что продолжаю хотеть тебя, несмотря на обман. Проклинай в этом свою красоту, Тали. Но ты испытываешь мое терпение на прочность. Даара сказала про отвар от зачатия – вон там, в кружке, она снова передала... Лекарям она соврала, что нужен ей, потому что никто не в состоянии был бы понять тебя. Ведь я пообещал тебе свободу. Ты ее не хочешь?

Я опустила взгляд в пол, но не от смущающих разговоров. Ответ должен быть таким, чтобы не ухудшить его отношение ко мне.

– Я... сын вождя. Не знаю, как объяснить.

– Попытайся.

И этим будто подтолкнул меня к искренности:

- Это не мое место, Криит, - хотелось добавить «я не из тех, что сдаются живыми, не из тех, что смиряется», но он заподозрил бы меня во лжи. Ведь вот она я - сижу перед ним голая. - Я имею в виду, что моя жизнь должна была стать служением богине, а не служением мужчине. Эта история написана не про меня, я случайно в ней оказалась... И потому мне не быть матерью твоим детям - пусть хотя бы это будет правильным. Можешь такое понять?

Я посмотрела снизу вверх, глаза Криита теперь были серьезными:

- Или ненависть ко мне выше всего остального?

- Или так, - я ответила тихо, но он ведь сам выразился очень точно.

- Тали, покажи жемчужину.

Я напряглась - теперь точно знала, что за этим последует. Но выполнила, немного приоткрыв рот. Криит обхватил мое лицо большими ладонями и притянул к себе.

- Не закрывай. Отдавайся хотя бы в поцелуях - поверь, поцелуи заметно успокаивают сердце. Нельзя ненавидеть в полную силу и целовать так, как ты отвечала вчера мне.

Он прошелся языком по моему, а потом поцеловал с напором. В какой-то мелочи он прав - закрывая глаза, я забывала о том, кто это делает. И целовала в ответ, задыхаясь от желания. Однако Криит отстранился после очередного моего полустона:

- Если твое тело болит, как ты говоришь, то сделай мне сегодня приятно ртом. Тогда и отвар нет необходимости пить. Я готов ждать тебя еще один день. Видишь, я иду навстречу?

Он тут же поднялся на ноги и стянул штаны. Я вообще не поняла смысла его просьбы, но когда возбужденный член обнажился перед лицом, отшатнулась. Он шагнул ближе, и когда я попятилась назад, притянул за затылок и коснулся

головкой сомкнутых губ.

- Ну же, Тали, - кажется, я впервые слышала в его голосе заметное раздражение. - Для этого твое тело тоже слишком устало?

- Я... - получилось нервным вскриком. - Что ты делаешь?

Он отодвинулся, посмотрел на меня сверху пристально:

- Ваши женщины так не делают?

- Нет! - поскольку он отпустил меня, то я попыталась отползти еще дальше. О таких «утехах» я в самом деле и не слыхала! Даже в байках про продажных женщин в портовых городах, а байки всегда преувеличены до неузнаваемости. И ни разу не упоминалось, что женщин так могут насиловать. Даже не насилуют так! А он хочет, чтобы я сделала добровольно?! - Это... это же...

- Не заканчивай фразу, - оборвал он. Но будто взял себя в руки. - Говорю же - ты испытываешь мое терпение снова и снова. До каких пор мне опускаться до тебя, чтобы ты уже стала частью этой истории?

- Я... прости, сын вождя, но тебе легче меня убить, чем заставить делать подобное...

Он ухватил меня за плечо и рванул вверх, заставляя подняться на ноги. Он был зол, но как будто пытался разобраться вместе со мной:

- Ты не до конца понимаешь свое положение, Тали.

- Я все понимаю, сын вождя, - мой голос дрожал. - Возьми меня, как мужчина берет женщину. Я отдамся тебе, как женщина способна отдаваться мужчине. Но если ты убьешь во мне женщину подобным унижением, то останется пустая подстилка, как называет меня Даара.

Я интуитивно чувствовала, что бью в правильном направлении. Даара не рассказала о Криите многого, но зато открыла важное: традиции и его положение сталкивали его в постели только с теми женщинами, которые

жаждали этого. Они должны извиваться под ним от удовольствия. Вряд ли он привык к чему-то другому. Поэтому обычная дырка с руками и ногами его вряд устроит, это не сочетается с его привычным понятием мужественности. В своих выводах я уверенной быть не могла, только пыталась влезть в его шкуру и понять. Однако глаза его горели яростью:

- Испытываешь мое терпение, бывшая служительница несуществующим богам!

- Возьми меня, сын вождя, - и приоткрыла рот, вставая на цыпочки, чтобы дотянуться до его губ.

Ему нужен был миг на осмысление, но теперь он меня не жалел. Поцелуй был диким, почти болезненным. Или боль создавали его руки, которые сжимали мое тело почти в полную силу. Он бросил меня на пол, резко развел ноги и сразу вошел. Замер на секунду, будто сам только пытался осмыслить происходящее, а потом задвигался - несколько раз мучительно медленно. Я не сдержалась и выгнулась ему навстречу. После этого движения стали страстными, резкими, и от них моя кровь тоже начала закипать. Неприятное растяжение внутри сменилось на тягучую истому, которая нарастала с каждым его рывком. Рот непроизвольно открывался, и Криит тут же погружал в него свой язык, а я только выдыхала с тихими стонами.

Еще немного, и я сама начну насаживаться на него, но слабое тело не было способно на ответ, достойный страсти Криита - оно только наслаждалось ощущением силы, входящей внутрь вместе с мужчиной. Он ускорился еще, потом с самым сильным толчком выплеснулся в меня, а лицо при этом неконтролируемо напряглось, будто ему было больно. Мне же словно чего-то не хватило: когда он брал меня, в теле назревала буря, стремясь к какому-то пику. И теперь все нутро зануло от разочарования, что так и не узнало, чем заканчивается такая буря.

Вышел, орошая остатками семени мое бедро, и перекатился на бок. Смотрел в мой профиль, но ничего не говорил долго. Я не выдержала сама:

- Могу я выпить отвар, сын вождя?

- Пей, Тали. Я совершенно точно убью тебя очень скоро, потому что ты невыносима. И хочу быть уверенным в этот момент, что ты не носишь моего

ребенка.

Уснула я за миг – и сознание, и каждое сухожилие только этого и ждало.

Проснулась на рассвете. Криит лежал рядом, но уже не спал. Снаружи звучали голоса. Скоро мы выйдем из палатки, чтобы позавтракать и отправиться в очередной бесконечно длинный день.

Я молчала, не зная, как приветствовать того, кто ночью стал твоим первым мужчиной. Показал или просто наметил возможное удовольствие, но сам не перестал быть тем, кем был раньше. Криит вдруг начал говорить тихо, делая паузы между фразами, будто подбирая слова:

– Отвечу на один вопрос. Мне на самом деле нравится эта земля, Тали. Она очень странная. Я здесь совсем недолго, но успел повстречать трех женщин, каждая из которых не укладывается у меня в голове. Первая – молодая девчонка, очень меткий стрелок, не задумываясь, пожертвовала собой, чтобы убить нашу шаманку. А потом всадила себе нож в горло, чтобы ее тело не досталось моим солдатам. Она могла бы стать моим лучшим воином. Вторая женщина умирала на моих глазах, но ее спокойствие перед последним порогом равняло ее с лучшими из нас. Мы ценим тех, кто не боится смерти, стремимся к этому, но мало кто с ней бы сравнился. Она могла бы стать моим лучшим другом. Третья – настолько красива, что взгляд никогда не устанет на нее смотреть, и страстная, что никогда не надоест ее брать. Ее тело будто создано для того, чтобы дарить и получать удовольствие. Не такая смелая, как первая, не такая умиротворенная, как вторая, зато обладает дерзким языком, пробитым золотым стрежнем с жемчужиной. Она могла бы стать моей лучшей любовницей. Но ее ненависть ко мне всегда будет стоять превыше страсти. Я удивлен, что ваш народ так слаб в целом, но так силен в тех, кого я успел рассмотреть ближе.

Я ничего не ответила.

Глава 6. Шаман

После завтрака Даара сразу взяла меня к себе. Обе мы весили немного, и ее конь без труда выдерживал такую ношу. Без седла ехать неудобно, а бесы только мягкую замшевую прокладку закидывали на круп. Но это дело привычки. Мы ехали рядом с Криитом, и потому я могла слышать их разговоры.

- Наат должен явиться сюда к концу лета. Он и возглавит наступление на столицу, - задумчиво сказал Криит.

- Плохо. Наат способен покорять только девичьи лона, а не города. Его третья жена очень красива, мог бы и побыть с ней подольше.

- Следи за языком, Даара. Он первый сын вождя.

- А то я не знаю! Тикийцы почти разгромили нас, благодаря этому первому сыну, который был больше занят выбором третьей жены, чем военной стратегией.

- Даара!

- Молчу, молчу, Криит. Но если бы вы с Ракиидом не успели, то сейчас бы Тикийское государство праздновало победу над Робессками.

- Ты вроде бы обещала молчать?

- Молчу! Слышишь же - молчу. Кто там?

Она указала вперед, я пригляделась. Какая-то женщина бежала от моря к линии леса. Возможно, ее спутники просто оказались быстрее - никого больше видно не было. Вряд ли она здесь одна... Из разоренных рыбацких деревень унесло ноги немало людей. Кто-то из них до сих пор остается поблизости: все же рыбный промысел им привычнее, с голоду умереть не даст.

Я же сжалась, пытаюсь унять панику. На лошадях ее догонят быстро, стоит только Крииту махнуть рукой.

- Возможно, там есть поселение? - предположила Даара. - Сын вождя, может, обыскать заросли?

Вот он – тот самый момент, когда о себе начисто забываешь.

– Криит, – мой голос был сдавленным, но слова я старалась произносить отчетливо. – Отпусти ее... Добрыми духами молю, отпусти... Это ведь просто женщина! Она...

Криит посмотрел на меня удивленно. Но я радовалась и этому – несколько минут могут спасти бедняжке жизнь, поэтому нужно тянуть время.

– Торгуешься со мной, Тали?

– Не торгуюсь... Прошу...

– Как будто у тебя есть право просить, – он улыбнулся мягко, с непонятной иронией. – А торговаться может только тот, кому есть что предложить.

– Я... мне есть что предложить! – я даже подскочила, и от этого конь фыркнул. – Пусть эта женщина уйдет, а я сделаю то... чего ты от меня вчера хотел... Добровольно. И все остальное, что ты еще захочешь от меня ...

Голос сбился, я покраснела и отвела взгляд. Криит и так должен понять мой намек, а говорить о настолько стыдной вещи вслух я бы не смогла. Криит посмотрел вдаль – женщина уже достигла первых деревьев, но ее до сих пор было видно. Кажется, ее бег замедлялся ношей – то ли пойманной рыбой, то ли младенцем в свертке. Снова повернулся ко мне:

– Ладно, Тали. Я согласен на эту сделку. Значит, все, что я еще захочу?.. – и рассмеялся.

– Да... и спасибо. Я не откажусь от своих слов.

Даара, будто точно понимая, о чем мы говорим, поддержала его звонким хохотом. Отряд пошел мимо. Криит оглядывался на Даару с улыбкой, и та никак не могла успокоиться.

Через некоторое время я отважилась спросить о причине ее веселья:

– Ну, что ты смеешься? Я знаю, что поступила правильно, но от твоего смеха мне становится стыдно.

– Красавица Тали! – ответила она. – Ты глупа, как морские крабы! Интересно, а на что вы торговались? Чтобы ты не пила отвар или призналась в вечной любви?

Значит, она была не в курсе подробностей. Хоть это радовало.

– Неважно. Но почему ты смеешься?

– Потому что ты до сих пор не поняла одной вещи – мы никогда не преследуем тех, кто бежит. Если человек решил бежать, то уже не воин. А мы воюем только с теми, кто берет в руки оружие и готов умереть... ради чего угодно. Ты в самом деле считаешь, что мы не догнали бы ни одной из тех повозок, что так спешили укатить?

Хотелось воскликнуть презрительно, но я сдержалась. В конце концов, Даара не лукавила – все женщины, которых они захватили, были как раз из тех, кто был готов умереть и не пытались бежать... Как отважная Ная. Да и уйти поселенцам удалось многим, раньше этот факт не казался странным. Все, кто бежит... Кроме одной!

– А я? Разве я не убегала?

Вопрос был странным, я понимала. Но та девушка вряд ли взяла в руки нож и смело шагнула навстречу врагам. Или я ошибаюсь? Криит тоже заинтересовался нашим разговором:

– Ты у нас об этом спрашиваешь? – я пожала плечами, поэтому он пояснил с тем же изумлением. – Убегала. Но не от нас, а к нам. И шаманка тебя сразу разглядела – берите, говорит, это лучшая жертва для огня, если хотим привлечь удачу на долгое время.

Даара продолжала посмеиваться над моей глупостью, а я задумалась. От кого могла убегать жрица храма, да в такой панике, что не разглядела еще более страшное впереди? Или она просто не знала, что бежит к врагу – это не удивительно, бесов у нас не любили раньше, но вряд ли боялись. Она могла

просто не знать... Слабая запуганная девочка, которая была на самом деле глупа. Тут с Даарой не поспоришь. Но мысли о ней позволили отвлечься от обещания, которое я в пылу дала Крииту. Мне предстоит очень неприятная ночь... а он провел меня вокруг пальца.

Возле одного из поселений мы обнаружили лагерь – другой отряд бесов, но значительно меньше. Навстречу вышел мужчина в преклонном возрасте, однако годы не убавляли в нем зримой мощи. Поклонился Крииту:

– Приветствую, четвертый сын. Я искал тебя.

– Зачем?

Даара спешила и обратилась к Крииту:

– Это капитан Моор с «Тадики».

Сын вождя кивнул.

– Приветствую, Моор. Где твой корабль?

– Оставил чуть дальше на востоке. Там и будет общий сбор. Первый сын вождя распорядился собирать все силы в одном месте. Мы подождли в этом народе ярость, теперь можно наступать армией. А пока приказано ждать.

Криит спрыгнул с коня и ответил только:

– Хорошо. Тогда отдохнем тут, а завтра доберемся до места. Похоже, нам долго некуда будет спешить.

– Да, Криит, – мужчина снова коротко поклонился. – Прими под начало меня и шестьдесят моих людей.

– Принимаю.

А я до сих пор думала, что может возникнуть спор о власти. Не может: у бесов все строго определено. Все, кто ниже Криита, подчиняются Крииту. Сам же он передаст власть сыну, рожденному раньше. Я уже слыхала про каждого из них: Наат, Ракиид, Саан, а потом по праву рождения идет Криит. За каждым стоят свои воины, но больше всего власти у Наата – первого наследника Родобесских островов и захваченной Тикийской территории. И именно про него Даара так нелюбезно отзывалась.

Наш отряд разбивал палатки рядом с лагерем Моора, кто-то углубился в лес для охоты, кто-то разводил костры, чтобы приготовить ужин. Криит с Моором долго разговаривали наедине. Я не думала о побеге: даже когда отходила по нужде, за мной непременно присматривала одна из женщин. В остальное время я будто была предоставлена сама себе, но если только рвану... Хотя... будь у меня прежние ноги охотницы в десятом поколении, то я могла бы попытаться. Предупредить остальных, а может, и самого императора, что тут затевается! Но придется ждать более подходящего момента.

Я сидела у костра рядом с Даарой и поглощала несоленую, но весьма сытную похлебку, когда к нам подошли Криит с Моором. А за их спинами я разглядела старика – такого древнего, что удивлял сам факт, что он самостоятельно стоит на ногах. Шкуры на бедрах, посох с младенческим черепом... Потупила взгляд, чтобы не выдать отвращения.

– Твоя женщина? Красивая, – с приятельской легкостью поинтересовался Моор.

И тут шаман вышел вперед, вылупился на меня и заскрипел:

– Жаль, что ты, Криит, ее успел взять. Такая жертва обеспечила бы нам удачу на год вперед! Хороша!

Похоже, что мне еще повезло. Я посмотрела в его белесые глазки и утонула в них, не могла оторвать взгляда. А он все причитал:

– Как жаль! Четвертый сын, разве ты не научен сдерживаться? Ведь опоздал-то я совсем ненамного. Почти еще чистая... может, все-таки попытаемся?

Я от ужаса сжалась, но Даара вновь оказала неожиданную помощь:

– Успокойся, шаман. Теперь уже поздно, сам знаешь. Будем считать, что Криит опередил свою удачу на пару дней.

– Знаю, великая Даара, знаю, – от скрипа его голоса закладывало уши, но я все равно смотрела в его глаза, будто зачарованная.

Однако Криит заинтересовался другим:

– Что значит – почти чистая?

– То и значит, сын вождя. Что была она с одним мужчиной, один раз и совсем недавно. Так что ты своей несдержанностью только хуже сделал! Неужто нельзя было потерпеть?

Криит смотрел на меня, словно я была обязана немедленно предоставить еще какое-то объяснение. Разве моя вина, что у бесов каждый первый шаман ошибается? Или девушка эта в самом деле с мужчиной не была? Я не очень хорошо себе представляла, как можно потерять девственность иным способом, но вообразить-то можно! Или служение богине очистило ее до первоначальной невинности?

Моор был намного более приветливым:

– Да не трясись ты так, сжигать тебя действительно теперь резона нет. Какое имя тебе дал отец, женщина Криита?

– Т... Тали, – я продолжала утопать в глазах шамана.

– Врет! – вскрикнул он. – Не это имя. Другое. Тэла? Такка? Ну, скажи еще что-нибудь, в твоей интонации звучит другое имя!

– Да ты у нас просто загадка, женщина-краб! – захохотала Даара и хлопнула меня по спине.

От удара я смогла очнуться и вынырнуть из шаманского взгляда. Посмотрела на Криита и просто пожала плечами. Он не стал допрашивать, а в моей голове поселился холод. Эти шаманы... они на самом деле очень сильны! До ужаса, до

мурашек по коже могущественны! И потому я, как только мы с Даарой снова остались наедине, попросила ее рассказать о них.

Она и поведала, что чем старше шаман, тем сильнее. Что шаманы рождаются очень редко, а силу набирают годами. Уже в младенчестве известно, есть ли в ребенке магия – у них взгляд другой, от которого даже родная мать на время немеет. И после у него уже нет выбора. Его охраняют превыше любой драгоценности, учат колдовству и знахарству, а когда они становятся достаточно сильными, берут в военные походы. Родиться шаманом – это величайшая честь. И молодой жене всегда желают, чтобы один из ее детей родился с магией в крови. Но пожелание это сбывается намного реже, чем хотелось бы бесам.

Закончила свой рассказ Даара ожидаемым вопросом:

– Так какое имя дал тебе отец? И зачем соврала?

– Тесса, – решила я на откровенность. – Но мне так легче. Как будто все происходит не со мной, а с какой-то другой девушкой.

Даара посмотрела мне в глаза серьезно, потом кивнула:

– Я поняла. Потому оставайся Тали, если хочешь. И Крииту не скажу. В конце концов, это точно не играет роли под вашим покрывалом.

– Спасибо.

– Не благодари, Тали. Я считаю тебя пустой и глупой, но вижу в тебе внутреннюю силу. Делай что хочешь, раз это позволяет тебе смириться. И от меня проси – помогу, если в силах. Этот мир любит сильных. И я их люблю.

Странное тянущее чувство в душе. Бесы омерзительны по своей природе. И если бы я была в силах, то прямо этой ночью перебила бы весь лагерь – рука бы не дрогнула. Но есть в них что-то такое, что вызывает отклик. И потому душа тянется в разные стороны. Больно.

Глава 7. Странности страсти

Однако когда стемнело, и я поплелась к центральной палатке, то застала там старика-шамана, препирающегося с Криитом:

– Жрица? А если все жрицы чисты и так красивы? Где находится ее храм?

– Не знаю, уважаемый Дотлаак. Мы взяли ее не в храме, она сама прибежала к нам.

Я замерла в отдалении и прислушалась.

– Тогда отдай ее мне! В твоей женщине нет магии, но что-то с ней не так – я нутром чую, что жертва не пройдет напрасно.

– Успокойся, Дотлаак. У нас с ней любовь. Как же я тебе ее отдам?

– Вот сейчас ты врешь, Криит! Страсть есть, любви нет. Жадничаешь! Возьми себе другую! Или давай отыщем храм. Давай хотя бы выведаем у нее место?

Криит смотрел на меня, но не звал. Я решила, что мою судьбу без меня решать некрасиво, подошла и произнесла твердо:

– Даже если будете пытаться, не скажу, где храм.

– А вот сейчас она не врет... – задумчиво выдавил шаман. – Не скажет... хоть на части разрежем.

Тут он угадал – не смогу, даже если б захотела. На этот раз его проницательность сыграла на руку.

– Клянусь перерождением, что-то с тобой не так! Возможно, твоя богиня и впрямь существует... она как будто внутри тебя сидит! Мой привычный мир рухнет, если я допущу такую мысль, – он снова повернулся к Крииту и заговорил более заискивающим тоном. – Отдай ее. Обещаю, что постараюсь не убить! Я потом верну!

Забеспокоившись, я ответила сама:

- Нет, уважаемый Дотлаак. Я не тебе служу - Крииту. И хочу, чтобы он взял меня, снова, как свою женщину.

Криит усмехнулся, взял меня за руку и протолкнул в палатку:

- Ты ее слышал. И меня слышал, что намного важнее.

- Слышал, сын вождя. И она снова врет. Она не хочет служить тебе. Помяни мое слово - эта женщина принесет тебе погибель.

- Иди, шаман, отдохни. Твоя мудрость понадобится нам завтра.

Когда Криит вошел в палатку, я шагнула к нему:

- Спасибо, сын вождя, что не отдал меня. Мое тело слишком слабое, чтобы перенести пытки.

Он улыбнулся:

- Разве я мог думать о чем-то еще после твоих признаний? Которые снова оказались ложью.

Спорить с очевидным бессмысленно:

- А чему ты удивлен? Да, я не хочу тебе служить, но готова подчиняться.

- И хочешь, чтобы я взял тебя? - припомнил он. При этом глаза прищурились, словно Криит едва сдерживал смех.

Однозначного ответа на этот вопрос не было. Он вызывал во мне пылающую ненависть, но вчера ночью я ощутила внутри другой огонь. Если вопрос в том, готова ли я повторить это ощущение, то... я не против. Но шамана тут не было, потому я могла сильно преувеличить:

– Хочу.

Он притянул меня к себе, а я приоткрыла рот, ожидая поцелуя. Но он только рассмеялся тихо:

– Вообще-то, стало легче, когда я понял, что ты кажешься странной не только мне. Каким именем мне называть тебя, если предыдущее было враньем?

– Тали.

– Я буду звать тебя Синей Жемчужиной. А когда ты откроешь свое имя, буду уверен, что твое «хочу» настоящее.

– Договорились, – я почему-то не смогла сдержать ответной улыбки. – Но я почти на самом деле хочу твоего поцелуя. В это веришь?

– Да, – он смотрел на мои губы. – Но сегодня ты дала обещание, помнишь?

Он надавил на мои плечи, заставляя опуститься на колени. Мое обещание... Я заставила себя успокоиться, теперь уже поздно метаться в отчаянии. Сама развязала веревку на штанах и спустила их вниз. Член не был возбужден и в такой близости выглядел крайне неприятно. Я поморщилась, но взяла его рукой. Зажмурилась и направила себе в рот. Ведь он хотел этого?

Случайно коснулась головки языком, и он от этого немного напрягся. Но я заставила себя не отстраниться.

– Ну же!

И он толкнулся глубже. Я не очень понимала, что нужно делать – вся сила воли уходила только на то, чтобы не отшатнуться. Возможно, Криит понял мою неумелость, потому что заговорил намного тише и мягче:

– Оближи сначала языком.

Облизать? Да счастливнице жрице очень повезло, что она умерла до этого момента! Но я попыталась делать, как он приказывает. Язык вместе с

жемчужиной обвел головку, прошел дальше. Член во рту разбухал, но я заставляла себя продолжать.

– Не сжимай зубы, – голос стал немного другим, но по-прежнему мягким. – А то сделаешь из меня самую некрасивую женщину на свете. Еще раз, по самому концу, чуть с большим нажимом. Не бойся ты так, в этом нет ничего ужасного.

Я снова вернулась к головке, и ощутила непривычный привкус во рту – противно. Но он прав, к настоящим ужасам это не имеет отношения. Просто неприятно и унижительно.

Член наливался силой, разрастался, я губами ощущала, как на стволе вздуваются венки, но продолжала водить языком по гладкой части. Он вдруг толкнулся в меня, я замерла. Криит положил ладони мне на голову, но не давил. Кажется, поняла, чего он хочет – чтобы я сама насаживалась ртом. Попробовала это сделать.

– Теперь так, да. Пока не выплеснется семя.

Я начала двигаться, погружая член в рот глубже, сначала рвано и неловко, но он слабо толкался, помогая мне найти нужный темп. Член стал огромен, он не помещался полностью. Я ощущала языком его возбуждение... и это странным образом волновало. Криит как будто брал меня, но не так, как это принято. И тем не менее ему нравилось. Он сдерживался, чтобы не начать вдабливаться в меня на всю длину, я это ощущала по напряжению в его ладонях. И потому сама старалась двигаться быстрее и резче, чтобы ему не пришлось меня подгонять.

Возбуждение оказалось очень странной вещью. Вчера я испытывала нечто подобное, но тогда он входил в меня – это хотя бы можно объяснить. Теперь же я чувствовала томление внизу только от ощущения его страсти. Будто это чувство в нем настолько сильно, что распространяется и на меня, заражает. Я не останавливалась, наслаждаясь его растущим возбуждением, на которое реагировало и мое тело. Член вдруг будто сжался, и в рот мне ударила струя.

Он тут же вытащил. Я выплюнула белесую жидкость на пол, вытерла рот. Ничего. Это до сих пор не имеет ничего общего с настоящим ужасом. Но внизу продолжало сладко потягивать остатками недавнего возбуждения. Снова это раздражающее чувство, что бурю подсекли на излете.

Криит вдруг опустился на пол рядом со мной, пальцами надавил на подбородок, заставляя посмотреть на него:

– Это просто один из способов доставить мужчине удовольствие, Синяя Жемчужина. Просто у вас так не принято.

Он словно что-то объяснял, но я никак не могла понять, что именно, потому просто кивнула. Криит, видимо, ждал какой-то реакции, но не дождался. Вдруг обхватил мое лицо ладонями, притянул к себе и поцеловал. Ему не противно? Или так он хочет доказать мне, что ему не противно? Что я не сделала ничего такого, чего могла бы стыдиться. Этот порыв вызвал во мне отклик благодарности: я обхватила его руками и ответила. Поцелуй хоть и был нежным, но наложился на отголоски возбуждения. Снова начнется раздражающая буря. Поняв это, я отстранилась. Прижалась лбом к его и пыталась выровнять дыхание. Он прошептал:

– Хочешь, позже я возьму тебя, как вчера? Только попроси.

Удивительно, но я еще и думала над ответом! Будто на самом деле хотела бы этого. Может быть, тело жрицы какое-то неправильное – оно жаждет чего-то еще, но мой ум с этой жаждой не согласен:

– Нет, Криит, я хочу спать.

– Тогда разденься.

– Что?

– Разденься, Синяя Жемчужина. И спи спокойно. Я тоже не стану одеваться – мне хочется прижать тебя к себе. Это не мешает твоему отдыху?

– Н-нет...

Но оказалось, что я сильно ошиблась. Криит, обняв меня сзади, давно уснул, а у меня мысли плескались туда и обратно. Его тело в такой тесной близости от моего волновало и вызывало смутные желания. Хотелось ерзать, создавать хоть какое-то трение моей обнаженной кожи об его, но я не решалась. Уснуть

удалось только после того, как я выбралась из его объятий и отодвинулась.

Глава 8. Проигрыш

Точки сбора мы достигли затемно. Там собралось несколько отрядов, и лагерь раскинулся по берегу очень далеко. Криит приказал размещаться с западного края, сам пошел поприветствовать лидера. Командиры последовали за ним, и я вместе с Даарой – моего мнения никто и не спрашивал.

Криит спрыгнул с коня и коротко поклонился мужчине. Тот был заметно старше и тоже носил золотой обруч на волосах.

– Рад тебя видеть, Ракиид. Прими под начало меня и моих воинов.

– Принимаю, брат, – мужчина улыбнулся, а потом бросил взгляд на море. – Нам тут недели три торчать, так что наберись терпения. Но леса здесь богатые, голод нам не грозит.

– Мы сможем о себе позаботиться, брат, – ответил Криит.

Я же наблюдала как Дотлаак, который сразу рванул в сторону, отыскивал других шаманов. И теперь они втроем что-то бурно обсуждали, бесконечно поглядывая на меня. Поежилась. Похоже, бедняжке Тали не суждено прожить слишком долго. Надо держаться поближе к Дааре или Крииту – если и есть спасение, то только за счет их поддержки.

– Приветствую, великая Даара! – обратился Ракиид громче. – Ты с каждой нашей встречей становишься красивее. Что у тебя там за пазухой? Сестренку себе отыскала? – и расхохотался.

– Ну да, – ответила с тем же смехом Даара. – Сестренку! Глянь, как хороша. Но не заглядывайся – не отдам. Криит из-за нее хоть изредка улыбаться начал, так что считай ее нашим главным оружием в этой войне.

Ракиид весело подмигнул брату:

– Ясно. А отец все шутил, что ты тикийскую ящерицу третьей женой возьмешь. Ну что ж, он почти угадал, хотя твоя женщина намного симпатичнее ящерицы! Ладно, кормите свое главное оружие, да под себя укладывайте. Все разговоры завтра.

Мы и правда падали с ног от усталости. Но и каша из злаков показалась как никогда вкусной. Я намеренно сидела между Криитом и Даарой, подальше от шаманских интересов.

Когда пошли в палатку, спросила:

– Третьей женой? То есть у тебя уже есть две жены, сын вождя?

– Есть, – он открыл занавесь и пропустил меня внутрь. Сам в темноте отыскал лампаду.

– Это... странно.

– Почему странно? У нас говорят так: первую жену выбираешь головой, вторую – чтобы угодить отцу, а третью берешь, только если без нее сердце не на месте. Далеко не у всех наших водится больше одной, но меня статус обязывает.

– Расскажи подробнее, – мне в самом деле было любопытно. Две жены есть, но это не препятствует ему заводить женщин во всех поселениях, куда явится?

Он улыбнулся, сел напротив лежанки.

– Первая моя жена, старшая сестра Даары, вызывает во мне чувство уверенности и бесконечного уважения. Мы знакомы с детства, потому наш союз был предсказуем. Но ребенка она зачать не смогла – такое случается. Потому-то статус и обязывает меня обзавестись тремя – чем больше жен, тем больше здоровых сыновей.

Сестра Даары? Та назвала себя «дальней родней»... Но теперь все легко складывалось: старая привязанность, родственная поддержка и положение Даары в отряде.

– А вторая? Она родила тебе сына?

– Вторую я еще не видел. Отец выбрал ее и совершил брачный отряд, когда я был на Тикийской территории. Говорят, она красива. Но я почти сразу отправился сюда, как уже рассказывал. Потому короткое время потратил на то, чтобы встретиться с первой – все же она мне намного ближе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/orlova_tal-yana/stat-posledney

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)